

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО «ИВАН
БАРАБАШ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ
«МАЛОЙ ПРОЗЫ» 30-40-Х ГГ. XIX ВЕКА**

Интенсивное развитие русской романтической прозы в первые десятилетия XIX века привело к расширению и усложнению её жанровой системы, тематического и образного диапазона, к повышению статуса прозаических произведений в восприятии читателей. В этом смысле показательным нам представляется следующий факт: если в 1759 году классицист А. П. Сумароков в статье «О чтении романов» писал: «Полезьы от них (романов – Т. М.) мало, а вреда много», видя в их чтении «погубление времени [3, с. 376]», то в 1832 году Н. А. Полевой в заслугу тем же романам поставил «стремление развивать стихии своего собственного образования [4, с. 97]». В этом стремлении романам предшествовали малые прозаические жанры, ещё не до конца избавившиеся от присущего классицизму дидактического, назидательного изложения материала, в том числе и нового – исторического. Названные нами процессы, сопровождавшие формирование романтической прозы – экзотическая тематика и образность, сложность, некоторая размытость жанровых канонов чётко прослеживается в повести «Иван Барабаш» И. И. Срезневского, анализ которой является целью настоящей статьи.

Единственная публикация забытой в наши дни повести состоялась в первом номере журнала «Московский наблюдатель» за 1835 год. Её автор – первый в России доктор славяно-русской филологии, один из основателей исторического изучения русского языка, прекрасный знаток славянской этнографии и палеографии, И. И. Срезневский был художественно одарённым человеком. Его начальные литературные опыты связаны с харьковским периодом жизни, который прошёл под знаком интереса к народной украинской словесности. В 1833-1836 гг. вышли шесть книг «Запорожской старины», наиболее известного литературного проекта И. И. Срезневского. Сюда вошли тридцать девять украинских исторических песен и народных дум с авторскими комментариями и составленный издателем на основе широкого круга исторических первоисточников очерк «Украинская летопись. 1640-1657». Специалисты справедливо констатировали, что история казачества стала центральной темой сборников, а гетман Богдан Хмельницкий – одним из главных национальных героев «Запорожской старины». Событиям, к которым он был, так или иначе причастен, посвящена половина опубликованных в сборнике фольклорных текстов. Многочисленные хвалебные отзывы, возникшая вскоре и надолго затянувшаяся полемика по поводу аутентичности сборника и якобы фальсификаторских намерений автора, подделки оригинальных фольклорных текстов, затем – попытки реабилитации отвлекли внимание критиков и читателей от собственно литературного творчества И. И. Срезневского. В

результате, публикация исторической повести-биографии «Иван Барабаш», сюжетной основой которой и стали фольклорные тексты «Запорожской старины», прошла незамеченной. Одним из немногих литературных критиков, отдавших дань таланту известного учёного-слависта, был В. Г. Белинский, он отмечал дар живого и захватывающего повествования в его художественной прозе [1, с. 229].

Эта особенность писательского стиля И. И. Срезневского, использование им ресурсов народного творчества (дума «Хмельницкий и Барабаш» была включена во вторую книгу «Запорожской старины»), побудила современного украинского исследователя А. И. Гончара назвать интересующее нас произведение «Иван Барабаш» исторической повестью [2, с. 248]. Предпринятый нами анализ сюжетно-композиционных особенностей и системы образов этого сочинения даёт основание считать подобное определение условным. Оно не вписывается в сложившийся со времён А. П. Сумарокова, Н. М. Карамзина, а затем в творчестве В. Т. Нарезного, Ф. Н. Глинки, А. А. Бестужева (Марлинского) и Н. Бестужева жанровый канон исторической повести.

И. И. Срезневский, по-видимому, стремясь уточнить жанр своего произведения, опубликовал его в рубрике «Биография». Перед читателем, однако, не одна, а две биографии, написанные в традиции сравнительных жизнеописаний – Ивана Барабаша и Богдана Хмельницкого. Каждая из них, изложенная лаконично, без пространных описаний и психологических излишеств, усиливает назидательность другой, ей контрастной. Причём в сюжете произведения изложение исторических фактов сочетается с нравственной интерпретацией поступков героев – «законы вечной нравственности и национальные традиции стали мерилom доблестей и пороков личности [8, с. 177]». По сути, перед нами традиционная для романтизма бинарно оппозиционная пара «герой – антигерой».

Иван Барабаш – человек «невесть откуда», «невесть кто, какого роду и племени», пришёл на Сечь и стал казаком то ли в 1618 году, при гетмане Петре Сагайдачном, то ли в 1628 году, когда началось восстание Павлюка. Зиновий Хмельницкий – из уважаемой семьи, его отцу, сотнику Чигиринскому Михаилу Хмельницкому «за верную службу» была дарована вотчина – сельцо Суботово неподалёку от Чигирина. В 1642 году Барабаш стал Войсковым Есаулом, он «казак богатый, <...> зажил, как жили тогда только знатные паны, <...> и как поляк и обычаем и делом, стал важничать перед казаками, притеснять их, а с поляками дружбу свёл [6, с. 599]». Мечтая стать ясновельможным гетманом, Барабаш сеял на Украине раздоры и междоусобицы, проливал родную кровь – воюя с казаками, не пожелавшими служить под его началом и укрепившимися в Никитской Сечи. Он помогал иезуитам и униатам преследовать православных, входил в тайные сношения с поляками. «Теперь казаки ненавидели его за высокомерие, за подлость, за корыстолюбие, да ещё за дружбу с ляхами, да за свои беды», – пишет И. И. Срезневский [6, с. 600]. Иначе показана деятельность войскового писаря Хмельницкого – истинный украинец, он желал своей родине «мира и

благодати», старался «умерить междоусобия», на собранной старшинами Раде именно он предлагает послать королю жалобу «на утеснение народа и казаков униатами». Несправедливо обиженный польским вельможей Чаплицким и королевским судом, «он превратил месть личную в месть за родину [6, с. 604]». Казаки-запорожцы с радостью принимают к себе Хмельницкого, овладевшего тайной перепиской Барабаша, его универсалы «имели повсюдный успех, из всех краёв Украины стремились казаки к Хмельницкому [6, с. 609]». Во время решающей битвы Богдан предопределяет её исход – «победа уже клонила на сторону барабашёвцев, когда явился сам Хмельницкий...», а Барабаш, в то время как «битва шла, спал в ладье меж камышами...». Отсюда и весьма поучительные итоги жизненного пути каждого из героев – Богдан обрёл славу, которую «не сотрёт вечность из памяти народной [6, с. 609]». Барабаш же «проспал себя», «собственные его товарищи растерзали его, как изменника [6, с. 610]».

Исторический характер изложенного материала усиливает поучительно-назидательный эффект, производимый на читателя. Поэтому автор всячески подчёркивает достоверность событий, используя материалы летописей и то явно, то скрыто ссылаясь на них. Даже стиль его произведения – почти протокольное изложение событий, лишённое тропов, прямой речи, характеристика героев путём продуманного подбора фактов, максимально приближен к хроникально-летописной манере повествования. В тексте употребляются выражения типа – «повторяю слова летописцев», «летописцы верят», в качестве источника сведений об одном из самых значительных происшествий – добывания королевских грамот – приводится транслитерированный украинский текст народной думы «Хмельницкий и Барабаш». Ещё раз подчеркнём - этот прозаический пересказ фольклорного стихотворного текста первоначально был помещён во второй части сборника «Запорожская старина», изданного И. И. Срезневским в Харькове в 1834-35 гг. [7, с. 9-11]. Вместе с тем, художественная фантазия автора свободно подменяет некоторые летописные факты с той же целью – для усиления поучительного эффекта. К примеру, последняя фраза Срезневского о Барабаше – «и слава его погибла с шумом [6, с. 610]», заимствована из «Истории Русов»: «И сгинул нечестивый! Пусть же погибнет и память его с шумом! [5, с. 105]». Однако неизвестный автор трактата сообщает иную версию гибели Барабаша – казаки, воодушевлённые Хмельницким, кинулись искать «гетмана-Иуду», дабы предать войсковому суду, нашли его, спрятавшегося в одном из байдаков, но вырвался он из рук казацких, бросился в реку и утопился. И. И. Срезневский же избрал для своего «антигероя» более позорную и, тем самым, более назидательную для потомков смерть – от рук товарищей.

Сопоставление судеб – славной и позорной - двух гетманов позволяет писателю выразить ещё одну важную идею. Вопреки названию повести её подлинным главным героем становится не Иван Барабаш, а Богдан Хмельницкий. В полном соответствии с традициями назидательного повествования всем авторским оценкам Богдана Хмельницкого присуш

возвышенно-эмоциональный пафос, а законы морали и нравственности, верность Божьим заповедям становятся главными критериями оценки его деятельности. Автор повести развивает традиционную для русских романтиков мысль о богоданности, богоизбранности гетмана, о святости и предопределённости его исторической миссии. Подробно приведены все беды, которые выпали на долю Украины и её народа: «...его достояние было расхищено: только нищие были покойны под своим рубищем, земля его стала погоном разбойников, и нивы были несеяны, и пастбища пусты; его вера была поправа: рабами жидов были служители Церкви, на откупе у жидов были храмы Господни, и все обряды и все таинства святой веры» [6, с. 604]. И. И. Срезневский вспоминает о первых поборниках свободы – Лободе и Наливайко, о бесконечных войнах казаков с поляками. Прозаик делает вывод: «Украина ждала Богдана. И наконец дождалась его: то был Зиновий Хмельницкий. Он претворил месть личную в месть за родину, и промысел Всевышнего благословил меч его» [6, с. 605].

Автор повести, подчёркивая идею богоданности вождя, подкрепляет сюжетные события свидетельствами безусловной поддержки, которую оказывало Богдану православное духовенство: «Митрополит Пётр (Могила – Т. М.) грозил церковным проклятием всем, кто не станет под знамёна Хмельницкого, и повелел во всех церквах молиться о победе над врагами, - и сам молился...» [6, с. 609]. Имя Богдан – Богом данный своему народу вождь символично, оно подчёркивает как несомненный факт божественной освящённости деяний гетмана, предопределённости его появления на исторической арене. Вера в святость борьбы, возглавляемой Хмельницким, обеспечивает ему всенародную поддержку: «Изо всех краёв Украины стремились казаки к Хмельницкому» [6, с. 609].

Мотив богоданности исторического героя – результат своеобразного романтического осмысления исторического опыта массовых народных движений, причём это осмысление шло по законам мифологизирования и восходит к мифологическим идеям о предопределении и судьбе, миллениаристским и мессианским представлениям о герое, который возглавляет народ, угнетённый и страдающий, и приводит его к лучшему историческому будущему. Деяния уникальной личности, как видим, приобретают религиозную ценность, становятся деяниями человека, «стоящего перед Богом», а история мыслится в связи с христианской концепцией Богоявления – цепи вмешательств Бога в её ход.

Проанализированная нами забытая историческая повесть, посвящённая славным страницам украинской истории, свидетельствует, сколь многими путями шло развитие русской беллетристики в XIX веке, сколь разнообразными были формы художественного воссоздания прошлого. Расцвет русского исторического романа был, безусловно, подготовлен не только рецепцией творческого наследия Вальтера Скотта, но и многочисленными жанровыми экспериментами талантливых художников слова.

Литература

1. Белинский В. Г. Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно. Сочинение И. Срезневского / В. Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. [Гл. ред. Н. Ф. Бельчиков] – М. : Изд-во АН СССР, 1953-1959. – Т. 3. – С. 229-231.
2. Гончар О. І. Українська література передшевенківського періоду і фольклор / О. І. Гончар. – К. : Наукова думка, 1982. – 311 с.
3. История всемирной литературы : в 9т. / [гл. ред. Бердников Г. П.]. – М. : Наука, 1988. – Т. 5. – 783с.
4. История романтизма в русской литературе 1825-1840 гг. : в 4 т. / [сост. С. Е. Шаталов, К. В. Пигарев, С. В. Тураев, У. Р. Фохт]. – М. : Наука, 1979. – Т.2: – 1979. – 327с.
5. История Русов или Малой России : соч. Г. Конисского. – М. : В университетской типографии, 1846г. – 262 с.
6. Срезневский И. И. Иван Барабаш / И. И. Срезневский // Московский наблюдатель. – 1835. – Ч. 1. – С. 597-611.
7. Срезневский И. И. Запорожская старина / И. И. Срезневский. – Харьков, 1833. – Ч. II. – 179 с.
8. Троицкий В. Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века / В. Ю. Троицкий. – М. : Наука, 1985. – 279 с.

Аннотация

Марченко Т. М. Историческая повесть И. И. Срезневского «Иван Барабаш» в контексте развития русской «малой прозы» 30-40-х гг. XIX века

В статье проанализировано идейное своеобразие и жанровые особенности повести И. И. Срезневского «Иван Барабаш». Автор использовал опыт сравнительных жизнеописаний, повествуя об исторических героях в традициях назидательного повествования. Сюжетной основой произведения стали летописи и украинский народный эпос, что характерно для романтической прозы. Содержание и художественное своеобразие проанализированной повести отражают многие художественные процессы, характерные для активно формировавшихся в то время малых прозаических жанров.

Ключевые слова: романтизм, историческая проза, повесть, малая проза, жанр, литературная традиция.

Анотація

Марченко Т. М. Історична повість І. І. Срезневського «Іван Барабаш» у контексті розвитку російської «малої прози» 30-40-х років XIX століття.

У статті проаналізовано ідейну своєрідність та жанрові особливості повісті І. І. Срезневського «Іван Барабаш». Автор використав досвід порівняльних життєписів, розповідаючи про історичних героїв у традиціях повчальної оповіді. Сюжетною основою твору стали літописи та український народний епос, що характерно для романтичної прози. Зміст та художня своєрідність проаналізованої повісті відображають характерні художні процеси, які були притаманні малим прозаїчним жанрам, що активно формувалися в той час.

Ключові слова: романтизм, історична проза, повість, мала проза, жанр, літературна традиція.

Summary

Marchenko T. M. Historical story “Ivan Barabash” by I. I. Sreznevsky in the context of development of Russian “small prose” of 30-40 years of XIX century.

The article is devoted to the analysis of the idea originality and genre specific of the story “Ivan Barabash” by I. I. Sreznevsky. The author is used the experience of comparative biographies, he related about historical heroes in the tradition of didactic narrative. The chronicles and the Ukrainian folk epos became the subject basis of the story. This fact is typical for romantic prose. The content and the artistic peculiarity of the story reflect the typical artistic processes, natural for small prosaic genres, which were actively formed at that time.

Key words: romanticism, historical prose, story, small prose, genre, literary tradition.